Новгородцев
Идеалы
партии нар.
свободы...

ИМЛ—Библиотека
ГИ135
Н895

ПАРТІЯ

НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

ГИ135
Н895 Р

П. И. Новгородцевъ.

Идеалы партіи народной свободы и соціализмъ.

Цѣна 25 коп.

ИЗДАНІЕ
„НАРОДНОЕ ПРАВО."
МОСКВА.

К. 84
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
П
ГИ135 Р
Н 895
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
10 38
25
92555

ТИПОГРАФІЯ
ПЕРЕДЛЕТНАЯ
СТЕРЕОТИПНАЯ
Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА
Тел. 1-04-12

Противники партіи Народной Свободы, а иногда и ея собственные члены считаютъ кореннымъ недостаткомъ нашей программы то, что въ ней нѣтъ программы-максимумъ. Всѣ ваши требованія, говорятъ намъ, помимо того, что они и сами по себѣ недостаточны, не имѣютъ перспективы, не имѣютъ предъ собою яснаго и опредѣленнаго идеала.

Этотъ упрекъ съ перваго взгляда можетъ показаться не только правильнымъ, но и уничтожающимъ. Партія, у которой нѣтъ идеала, у которой нѣтъ руководящей цѣли, не могла бы притязать на серьезное политическое значеніе. Она была бы только временнымъ и случайнымъ соединеніемъ лицъ, заключившихъ между собою союзъ на данный моментъ для извѣстныхъ тактическихъ цѣлей. Она лишена дѣла и того болѣе глубокаго жизненнаго принципа, того опредѣляющаго идеальнаго основанія, на которомъ только и могутъ утверждаться прочныя политическія организаціи.

Я хочу показать, что у партіи Народной Свободы есть свой идеалъ, обезпечивающій ей прочное историческое значеніе, и что въ пониманіи существа этого идеала мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ наши критики слѣва.

Прежде всего необходимо разъяснить, что означаетъ дѣленіе программы на программу-максимумъ и програм-

му-минимумъ. Обычно говорятъ, что программа-максимумъ, это—программа отдаленнаго будущаго, программа-минимумъ, это—программа ближайшаго времени. Но если вдуматься въ смыслъ программы-максимумъ, если вчитаться въ текстъ ея, какъ онъ излагается, напримѣръ, у соціалъ-демократовъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что это не только программа отдаленнаго будущаго, не только программа, которая не подходитъ для ближайшихъ дней, а будетъ осуществлена, скажемъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій. Это есть конечная программа, это—предположеніе о такомъ времени, когда будетъ достигнуто всеобщее совершенство.

Возьмемъ нѣкоторыя выраженія русской соціалъ-демократической программы: «считая себя однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, россійская соціалъ-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціалъ-демократіи всѣхъ другихъ странъ. Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ современнаго буржуазнаго общества и его развитія».

Далѣе въ программѣ говорится о «такой соціальной революціи, которая представляетъ собой конечную цѣль всей дѣятельности соціалъ-демократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата».

«Замѣнивъ частную собственность на средства производства общественной и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція уничтожитъ раздѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ поло-

жить конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою».

Вдумайтесь въ смыслъ этого опредѣленія, и вы увидите, что мало сказать объ этой программѣ-максимумъ, что она есть программа отдаленнаго будущаго. Какъ подразумѣвается въ самомъ текстѣ и этой программы, и всякой вообще соціалистической программы, гдѣ рѣчь идетъ о соціальной революціи, совершающей чудесное подразумѣвается въ самомъ текстѣ и этой программы, конечнаго совершенства. Она имѣетъ въ виду не только улучшеніе временное и относительное (одно изъ тѣхъ улучшеній, какихъ много знаетъ исторія прошлаго), но и улучшеніе конечное и безусловное, которое создаетъ послѣднюю заключительную эпоху, блаженнѣйшее состояніе человѣчества, когда всѣ противорѣчія будутъ разрѣшены, когда наступитъ гармонія всесторонняго развитія и полнаго благосостоянія народовъ. Вотъ настоящій смыслъ программы-максимумъ, какою она является и у нашихъ, и у западныхъ соціалъ-демократовъ. И дѣйствительно, если бы программа-максимумъ означала не это, если бы она представляла собой не конечный и послѣдній идеалъ, а просто слѣдующую стадію историческаго развитія, такъ чтобы программа-минимумъ имѣла значеніе, скажемъ, на ближайшее десятилѣтіе, а программа-максимумъ на слѣдующее десятилѣтіе или на какой-либо иной болѣе отдаленный срокъ, причемъ на срокъ еще болѣе отдаленный можно было бы написать другую болѣе радикальную программу, то какой смыслъ имѣло бы въ каждый данный моментъ писать двѣ такихъ временныхъ и относительныхъ программы. Программа-максимумъ имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ ней

предполагается нѣкоторый завершающійся циклъ историческаго развитія, нѣкоторый конецъ и эпилогъ жизненной драмы человѣчества.

Такое дѣленіе требованій программы на максимальныя и минимальныя имѣютъ свой очень древній прецедентъ. Впервые въ исторіи мысли оно съ ясностью выразилось у древняго философа Платона. Въ его діалогѣ «Государство», содержится то, что можно назвать программой-максимумъ; это—послѣдній, завершающій идеалъ человѣческаго развитія. Но Платонъ чувствуетъ, что этотъ конечный идеалъ, это конечное совершенство не могутъ быть осуществлены въ условіяхъ даннаго несовершеннаго состоянія, и въ другомъ діалогѣ «Законы» онъ рисуетъ иную картину—относительнаго совершенства, картину для даннаго времени, достижимую для людей съ ихъ недостатками, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они живутъ.

Вотъ первое ясное разграниченіе максимальныхъ и минимальныхъ требованій и, если поставить вопросъ, откуда происходитъ это разграниченіе, то указанный историческій примѣръ можетъ дать совершенно ясный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Разграниченіе стоитъ въ связи съ утопическимъ міровоззрѣніемъ, съ утопической мечтой о конечномъ идеалѣ, завершающемъ кругъ историческаго развитія и возносящемъ мысль на нѣкоторую абсолютную высоту. За утопической мечтой или слѣдуетъ разочарованіе, или же закрадывается неувѣренность въ близкомъ осуществленіи конечнаго идеала, и приходится мириться на минимальной программѣ, пригодной для людей, живущихъ въ условіяхъ историческаго развитія, въ предѣлахъ обозримаго теченія времени.

Совершенно тѣ же мотивы обусловливаютъ дѣленіе программы на программу максимумъ и минимумъ и въ соціализмѣ. Не трудно прослѣдить, какъ произошло это дѣленіе въ соціализмѣ современномъ, ведущемъ свое начало отъ Маркса. Если взять тотъ замѣчательный документъ, который лежитъ въ основѣ всего новѣйшаго соціалъ-демократическаго движенія, а именно «Коммунистическій Манифестъ» Маркса и Энгельса, то передъ нами будетъ программа-максимумъ, конечный идеалъ. Есть здѣсь и извѣстныя переходныя мѣры, которыя опредѣляютъ ближайшія требованія предреволюціоннаго времени, когда царство идеала уже приближается, но существо «Коммунистическаго Манифеста» заключается не въ нихъ. Окончательное уничтоженіе государства и полное преображеніе дѣйствительности вотъ подлинная мечта «Коммунистическаго Манифеста».

Здѣсь предполагается совершенно новый періодъ существованія, когда водворяется на землѣ соціальный рай. Этотъ идеалъ «Коммунистическаго Манифеста», идеалъ гармоническаго состоянія человѣчества, достигаемаго соціальной революціей, идеалъ, стремящійся къ уничтоженію классовыхъ противорѣчій, а съ ними вообще и всѣхъ общественныхъ противорѣчій, къ уничтоженію классовъ, а съ ними и государства, къ упраздненію государственныхъ и національныхъ перегородокъ во имя торжества интернаціональнаго объединенія,—этотъ идеалъ содержится въ видѣ программы-максимумъ во всѣхъ основныхъ соціалъ - демократическихъ программахъ. Наканунѣ 1848 года Марксъ и Энгельсъ вѣрили, что ихъ конечный идеалъ можетъ осуществиться завтра, на слѣдующій день; но прошли годы, и этотъ иде-

алъ сталъ казаться лишь отдаленной цѣлью развитія. Самъ Марксъ еще питалъ надежду, что наступитъ какой-нибудь благопріятный поворотъ событій, и его мысль осуществится. Но время проходило, а осуществленіе соціалистическаго идеала все откладывалось. Приходилось думать о томъ, какъ же быть въ условіяхъ даннаго времени, какъ быть въ условіяхъ переходной поры. Пока, какъ въ 1847—48 г., была жива твердая вѣра, что существующему государству въ самомъ близкомъ будущемъ будетъ нанесенъ сокрушительный ударъ, нечего было думать о томъ, чтобы начертать программу дѣятельности соціалистовъ, въ условіяхъ относительнаго историческаго существованія, въ предѣлахъ существующаго, обреченнаго на скорую гибель государства. Естественно было говорить только о конечной цѣли.

Но послѣдователи Маркса были поставлены въ иныя условія, имъ надо было дѣйствовать въ сумеречную пору ожиданія будущаго строя. Приходилось дѣйствовать въ такое время, когда государство не только не разрушалось, но наоборотъ обнаруживало всю свою силу и власть, и при этихъ условіяхъ надо было какъ то приспособить свою программу къ требованіямъ государственной жизни, надо было какъ то ее измѣнить.

Изъ сказаннаго видно, что какъ въ томъ древнемъ примѣрѣ Платона, такъ и въ этомъ новѣйшемъ примѣрѣ Карла Маркса, программа-максимумъ утверждается на мысли о возможности построенія конечнаго идеала,—о возможности достиженія такой формы общественнаго устройства, которая устранитъ всѣ источники

противорѣчій и страданій общественныхъ, которая надѣлитъ людей счастіемъ земного рая.

Партія Народной Свободы, стоящая на почвѣ современной науки и современной философіи не можетъ питать этой мечты. Она не можетъ имѣть программу-максимумъ, какъ начертаніе конечнаго идеала, потому, что съ научной точки зрѣнія это невозможно. Идеалъ конечнаго земного рая, который завершаетъ существованіе человѣчества въ предѣлахъ его исторіи какимъ то блаженнымъ вѣкомъ, гдѣ всѣ противорѣчія сглажены и устранены, гдѣ всѣ люди наслаждаются полнымъ счастьемъ—да вѣдь это полное противорѣчіе тому, о чемъ говорятъ намъ и современная философія, и современная наука. Это прежде всего стоитъ въ противорѣчіи съ эволюціонизмомъ современной мысли, съ идеей о безконечномъ развитіи всего существующаго. Это стоитъ въ противорѣчіи и съ убѣжденіемъ моральной философіи, что идеалы нравственнаго совершенствованія безконечны, что нѣтъ возможности въ историческомъ развитіи найти предѣлъ нравственному прогрессу. Если обсуждать идею земного рая съ научной и философской точки зрѣнія, то она представляетъ собою выраженіе нѣкоторой очень старой мысли о возможности гармоническаго сочетанія общества и личности, о возможности полнаго примиренія личности съ окружающей средой. Но если есть какое-либо твердое пріобрѣтеніе въ современной общественной философіи, то оно заключается въ томъ, что личность и общество въ историческомъ процессѣ развитія находятся не только въ постоянномъ взаимодѣйствіи, но и въ извѣстномъ антагонизмѣ. Безконечный просторъ человѣческихъ требованій, человѣческихъ притязаній, дѣлаетъ безусловно неисполнимымъ

достиженіе такого строя жизни, при которомъ возможно было бы сказать, что далѣе стремиться некуда, что человѣкъ достигъ земного рая.

Философскія и научныя стремленія нашего времени выдвигаютъ идеи совершенно иного рода. Мы не тѣшимъ себя болѣе мыслью о возможности гармоническаго существованія, о возможности полнаго устраненія всѣхъ жизненныхъ противорѣчій. Мы исходимъ изъ другого убѣжденія, что самое главное въ общественномъ прогрессѣ—обезпеченіе условій безпрепятственнаго и безконечнаго развитія. Мы думаемъ, что никакими средствами и способами нельзя осуществить полную гармонію общественныхъ силъ, но мы увѣрены въ томъ, что можно и должно стремиться къ свободному вліянію все большаго и большаго числа лицъ на ходъ общественной жизни. Мы считаемъ идеаломъ общественнаго устройства такую форму политическаго бытія, когда осуществляется принципъ свободнаго выраженія отдѣльныхъ воль, которыя безпрепятственно заявляютъ свои вѣрованія, свои мысли, свои требованія, когда изъ свободнаго выраженія и сочетанія отдѣльныхъ воль, рождается прогрессъ общественной мысли и общественной жизни. Не гармонія общественнаго совершенства, а свобода безконечнаго развитія, вотъ что является здѣсь выраженіемъ стремленія къ идеалу. Но когда мы въ этомъ смыслѣ понимаемъ высшій идеалъ, мы отказываемся рисовать какую бы то ни было конкретную картину конечнаго совершенства; мы говоримъ, что передъ нами безконечная цѣпь развитія.

Вотъ почему программа, которую съ этой точки зрѣнія надлежитъ установить для каждаго даннаго момента есть всегда программа-минимумъ. То высшее

идеальное стремленіе, которое одушевляетъ каждую такую временную программу, всегда съ необходимостью предполагается ею, какъ ея моральное оправданіе, какъ ея конечная цѣль. Программа каждаго даннаго момента есть средство къ осуществленію этой цѣли при данныхъ условіяхъ. Давать рядомъ съ этимъ еще и другую конкретную программу, которая пригодна лишь для отдаленнаго будущаго, лишь для будущихъ поколѣній, пѣтъ основаній. Будущее само за себя скажетъ свое слово, и оно скажетъ его лучше насъ, такъ какъ будетъ имѣть такія знанія о своихъ конкретныхъ условіяхъ и нуждахъ, какими мы не обладаемъ. Мы пишемъ программы только для нашего поколѣнія, для нашего времени. Это не значитъ, конечно, чтобы мы не имѣли такого идеала, который имѣетъ цѣнность для всѣхъ временъ и для всѣхъ поколѣній. Это значитъ только, что такой идеалъ стоитъ, какъ путеводная звѣзда, надъ всѣми историческими программами и надъ всѣми эпохами и, что этотъ идеалъ расширяется во всю широту безконечныхъ притязаній личности. Совершенно очевидно, что этотъ идеалъ не можетъ быть исчерпанъ какой либо простой исторической схемой, въ родѣ той, какою является, напримѣръ, передача средствъ производства въ руки трудящихся. Этой конкретной экономической мѣрѣ придаютъ чудодѣйственное значеніе: ей приписываютъ силу исцѣлить человѣчество отъ всѣхъ бѣдствій, удручающихъ его на жизненномъ пути. Но какимъ скуднымъ и недостаточнымъ представляется подобное конкретное опредѣленіе общественнаго идеала предъ безконечной глубиной той проблемы, на которую оно пытается отвѣтить. Каждое такое опредѣленіе

на космологическую проблему зла и страданія, на проблему міровыхъ противорѣчій отвѣчаетъ соціологическимъ предположеніемъ о возможности счастливаго общественнаго устроенія при помощи разрѣшенія экономическихъ противорѣчій. Какое величайшее противорѣчіе существуетъ между той космологической проблемой и этимъ соціологическимъ ея разрѣшеніемъ!

Въ одной изъ раннихъ статей Маркса (Zur Judenfrage) съ ясностью раскрывается то основное условіе, при которомъ, по его мнѣнію, осуществится переходъ къ совершенному состоянію соціалистическаго строя: для этого необходимо, чтобы человѣкъ во всемъ своемъ существованіи, во всей своей эмпирической жизни сталъ родовымъ существомъ. Государство не имѣетъ силы побороть человѣческій эгоизмъ, и потому политическая эмансипація, совершаемая правовымъ государствомъ, есть только частичная эмансипація. Полная человѣческая эмансипація будетъ осуществлена новымъ переворотомъ, болѣе радикальнымъ. Этотъ переворотъ, совершить который есть задача пролетаріата, будетъ всецѣлымъ обобществленіемъ человѣческой жизни полнымъ превращеніемъ человѣка въ родовое существо.

Вотъ слѣдовательно основная предпосылка разрѣшенія соціальнаго вопроса: она заключается въ томъ, что для соціальнаго совершенства необходимо чудесное преображеніе человѣческой личности, необходимо искорененіе эгоизма изъ сердца человѣка. Необходимо превращеніе человѣка въ такое существо, которое живетъ и дышитъ только воздухомъ общественности. Конечно, если такъ ставится вопросъ, если до этого доходитъ человѣческое совершенство, мы понимаемъ и задачу, и

способъ ея разрѣшенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не видѣть, что намъ предлагается здѣсь лишь утопическая мечта, лежащая за гранью человѣческой исторіи. Люди должны стать существами совершенными, они должны утратить все злое, все эгоистическое, все обособляющее ихъ другъ отъ друга,—тогда осуществится человѣческая эмансипація. Такое предположеніе, очевидно, выводитъ насъ за предѣлы реальности. Но такъ или иначе Марксъ сохранилъ идею обобществленія человѣческой жизни въ своихъ дальнѣйшихъ изображеніяхъ будущаго строя, и мы видимъ ее въ видѣ основной предпосылки и въ такъ называемой классовой теоріи государства. Классовая теорія государства, которая предполагаетъ, что соціальная катастрофа, разрушающая современное государство, превратитъ его въ новое безгосударственное состояніе, когда государственной власти болѣе не будетъ, эта теорія не можетъ быть понята иначе, какъ въ свѣтѣ того первоначальнаго предположенія о безусловной человѣческой эмансипаціи, превращающей человѣка въ родовое существо. Она мыслима только при томъ предположеніи, что наступитъ такой моментъ совершенства человѣческой жизни, когда все будетъ идти какъ по стрункѣ, когда осуществится сліяніе личности съ обществомъ.

Но спустимся съ этой мечтательной высоты на почву конкретной дѣйствительности и посмотримъ, что же именно предполагается осуществить въ будущемъ соціалистическомъ строѣ. Мы видимъ здѣсь одну конкретную задачу: обобществленіе средствъ производства, и мы должны сказать, что это сосредоточеніе всѣхъ орудій труда въ рукахъ общества, сосредоточеніе про-

цесса производства въ рукахъ общества, предполагаетъ необходимое регулированіе всего экономическаго строя, установленіе необходимой трудовой повинности, установленіе твердаго плана и порядка общественной жизни. Но какъ же могутъ осуществиться этотъ твердый порядокъ, это стройное регулированіе, эта строгая централизація, если не при помощи государства? При чемъ, очевидно, это будетъ государство, гораздо болѣе сильное, чѣмъ то, которое мы знаемъ, государство, которое держитъ личность въ строгомъ повиновеніи, заставляетъ ее подчиняться заранѣе установленному плану, сосредоточиваетъ все въ своихъ рукахъ. Итакъ, если въ мечтѣ будущее соціализма рисовалось, какъ состояніе безгосударственное, какъ свѣтлое царство свободы, въ конкретномъ своемъ осуществленіи оно не могло бы оказаться ничѣмъ инымъ, какъ новымъ видомъ государственнаго устройства.

Не очевидно ли, что соціализмъ Маркса стоитъ на перепутьи между анархизмомъ, съ одной стороны и государственнымъ соціализмомъ съ другой, или если употребить извѣстныя историческія имена, то надо сказать, что соціализмъ Маркса стоитъ по срединѣ между анархизмомъ Прудона, съ одной стороны и государственнымъ соціализмомъ Лассаля съ другой.

Таково его сложное и двойственное положеніе.

Эта сложность и двойственность въ положеніи соціализма еще болѣе усугубляется, когда отъ Маркса мы перейдемъ къ его послѣдователямъ, когда мы обратимъ вниманіе на содержаніе практическихъ программъ современныхъ соціалъ-демократическихъ партій.

Прочтите программу-минимумъ русской соціалъ-демо-

кратической партіи, которая, нужно сказать, имѣетъ свой первообразъ въ соотвѣтствующей части германской Эрфуртской программы. Самодержавіе народа». т.-е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа и образующаго одну палату. Всеобщее, равное, прямое избирательное право при выборахъ, какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія, для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго быть избраннымъ во всѣ представительныя учрежденія; двухъ-годичные парламенты, жалованіе народнымъ представителямъ. Широкое мѣстное самоуправленіе, областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія. Неприкосновенность личности и жилища. Неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ, и союзовъ и т. д. и т. д.

Сопоставляя эту программу съ программой-максимумъ, мы приходимъ къ интересному заключенію. Въ программѣ-максимумъ мы имѣемъ идеалъ совершеннаго безгосударственнаго состоянія, осуществляемаго при помощи соціальной революціи, которая нанесетъ сокрушительный ударъ современному капиталистическому строю и осуществитъ истинную мечту соціализма.

Какъ же относится къ этой программѣ программа-минимумъ?

Не надо длинныхъ поясненій, чтобы видѣть, что эти двѣ программы не имѣютъ между собой ничего общаго.

Программа-минимумъ не есть программа соціалисти-

ческая, это программа демократическая, программа демократическаго либерализма. Какъ авторитетно свидѣтельствуетъ Мерингъ, оффиціальный историкъ нѣмецкаго соціализма, практическія требованія Эрфуртской программы не въ ней впервые были формулированы. Онѣ были заимствованы изъ Готской программы 1875 г., въ которую попали изъ Эйзенахской программы, а въ эту послѣднюю изъ Хемницкой 1866 г. Хемницкая же программа была принята на собраніи Саксонской демократіи, на собраніи, которое по компетентному свидѣтельству Бебеля, непосредственнаго участника Хемницкаго собранія, имѣло въ виду только демократизацію Германіи. И дѣйствительно, хотя въ этой программѣ были требованія соціальнаго характера объ улучшеніи положенія рабочаго класса, но въ ней не было ничего соціалистическаго: она была составлена въ духѣ нѣмецкой Народной партіи, стоящей на точкѣ зрѣнія общихъ демократическихъ принциповъ. Проникнутые этимъ традиціоннымъ демократическимъ духомъ требованія Хемницкой программы перешли затѣмъ въ Эйзенахскую программу, затѣмъ въ Готскую и Эрфуртскую, а оттуда и къ намъ. Въ послѣдующихъ редакціяхъ положенія Хемницкой программы дополнялись и видоизмѣнялись, но суть ихъ осталась та же: это были демократическія требованія обращенныя къ существующему правовому государству и ожидающія своего осуществленія въ предѣлахъ этого государства въ зависимости отъ его преобразованія въ демократическомъ духѣ. Но требованіе такого рода, въ какой бы формѣ они не выражались, имѣютъ свои особые идейные корни, рѣзко отличающіеся

отъ идейныхъ началъ марксизма. Эти корни восходятъ къ идеѣ правового государства, которая по слѣдамъ Руссо и Канта не разъ воспроизводилась въ нѣмецкой мысли. Высшей задачей общественной жизни, согласно этой теоріи правового государства, является не упраздненіе государства и права, а только ихъ преобразованіе въ демократическомъ духѣ. Теорія правового государства принципіально исключаетъ утопію безгосударственнаго состоянія. Эта теорія учитъ, что государство, правильно понятое, надлежащимъ образомъ преобразованное, можетъ быть источникомъ справедливости. Теорія правового государства не отрицаетъ перерыва въ легальной преемственности историческихъ формъ. Она допускаетъ революціонный переворотъ, она допускаетъ разрывъ съ историческимъ прошлымъ правового государства. Она отрицаетъ идею того безгосударственнаго состоянія, которое Марксъ и Энгельсъ провозглашаютъ высшею цѣлью развитія. Преобразованіе существующихъ учрежденій въ духѣ правового государства представляется здѣсь цѣлью развитія. Это тотъ путь, слѣдуя которому, по словамъ Руссо, можно сдѣлать существующія отношенія законными. Въ тѣсной связи съ этими основаніями предполагается, что правовое государство можетъ регулировать жизнь въ духѣ справедливости, что отдѣльные классы, какъ бы они ни различались по своему экономическому положенію, имѣютъ нѣчто общее, имѣютъ область нейтральныхъ интересовъ. Предполагается, что есть такія нормы, которыя должны быть общими и обязательными и для сильныхъ, и для слабыхъ, и для большинства, и для меньшинства, которыя въ каждомъ человѣкѣ охраняютъ его личность и со-

здаютъ для всѣхъ одинаковыя условія существованія и одинаковыя права. Надо ли говорить, насколько всѣ эти предпосылки правового государства исключаются прямымъ смысломъ марксистскаго ученія, надо ли говорить, что тѣ демократическія требованія, которыя попали въ соціалъ-демократическую программу съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса не могутъ быть признаны. И дѣйствительно, Марксъ и Энгельсъ протестовали противъ ихъ включенія въ программу нѣмецкихъ соціалистовъ. Здѣсь сказалось вліяніе Лассаля, полагавшаго, что соціализмъ долженъ быть осуществленъ не путемъ соціальной революціи, ниспровергающей государство, а путемъ демократическаго преобразованія государства, усваивающаго соціализмъ, усваивающаго то, что Лассаль называлъ идеей четвертаго сословія. Когда проектъ Готской программы, ясно формулировавшей требованія, заимствованныя изъ Хемницкой программы, сталъ извѣстенъ Марксу и Энгельсу, они самымъ рѣшительнымъ образомъ возстали противъ того, что они назвали Лассалевскимъ символомъ вѣры, который, по ихъ мнѣнію, освящался въ этой программѣ. Оба они въ подробнѣйшихъ письмахъ высказали свое отрицательное отношеніе къ включенію демократическихъ требованій этого рода въ соціалистическую программу и такимъ образомъ осудили ту позицію, которую до сихъ поръ защищаетъ нѣмецкая соціалъ-демократія. Программа эта, писалъ Энгельсъ, такого рода, что въ случаѣ, если она будетъ принята, Марксъ и я никогда не присоединимся къ партіи, учрежденной на этой основѣ. Марксъ со свойственной ему энергіей мысли также говорилъ о непріемлемости этихъ требованій. Характеризуя эти требованія: всеобщее избирательное

право, народное законодательство, народный судъ, народное ополченіе, Марксъ говорилъ, что программа, содержащая такія требованія, проникнута демократической вѣрой въ чудеса и отражаетъ вѣрноподданническую вѣру Лассаля въ государство.

Несмотря на указанія Энгельса, что въ случаѣ принятія программы ни онъ, ни Марксъ не примкнутъ къ партіи, на Готскомъ съѣздѣ 22/27 мая 1875 года проектъ программы былъ принятъ единогласно. Таково было вліяніе Лассаля. Марксъ и Энгельсъ оказались безсильными противодѣйствовать внесенію въ соціализмъ требованій демократическихъ партій.

Требованія этого рода, какъ я указалъ выше, ведутъ свое начало отъ Руссо и Канта, отъ родоначальниковъ демократической теоріи правового государства. Эта теорія призываетъ къ сохраненію правового государства, а не къ его разрушенію. Такимъ образомъ мы должны сказать, что соціалъ-демократическія программы, подъ видомъ конечнаго идеала предлагаютъ неосуществимую утопію безгосударственнаго состоянія; то же, что онѣ имѣютъ практическаго, онѣ заимствуютъ изъ общаго съ нами источника, изъ демократической теоріи правового государства [1]).

Итакъ мы видимъ, что практическое приспособленіе къ условіямъ современности въ сущности приводитъ соціализмъ къ отреченію отъ той идеи безгосударственнаго состоянія, которая является его высшей мечтою. Программа-минимумъ возвращаетъ соціализмъ на поч-

---

[1]) Болѣе подробное доказательство этого положенія см. въ моей имѣющей вскорѣ появиться въ свѣтъ книгѣ: „Объ общественномъ идеалѣ“.

ву старыхъ требованій демократическаго либерализма. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ отношеніи соціалистическія требованія сближаются и съ программой партіи Народной Свободы, такъ какъ тутъ соціализмъ дѣлаетъ заимствованіе изъ той самой демократической теоріи правового государства, отъ которой ведетъ свое начало и программа нашей партіи.

Но надо признать и другую сторону дѣла,—фактъ вліянія соціализма на расширеніе требованій демократической теоріи. Правда, не только отъ соціализма, изъ тысячи источниковъ демократическая теорія почерпаетъ новыя идеи, которыя восполняютъ декларацію правъ человѣка и гражданина; но все же надо признать великой исторической заслугой Маркса, что онъ съ необычайной яркостью и силой выразилъ требованіе новаго сознанія относительно созданія лучшихъ условій человѣческой жизни. Есть одно мѣсто у Маркса (въ сочиненіи: Die heilige Familie), въ которомъ въ столь же простыхъ, сколько и сильныхъ словахъ выражается исходное положеніе соціализма.

«Неимѣніе не есть только категорія, это весьма печальная дѣйствительность, такъ какъ человѣкъ, который ничего не имѣетъ, въ настоящее время и самъ есть ничто, такъ какъ онъ отрѣзанъ какъ отъ существованія вообще, такъ и еще болѣе того отъ человѣческаго существованія. Неимѣніе это—самый отчаянный спиритуализмъ, это—полнѣйшая недѣйствительность человѣка, это—полная дѣйствительность нечеловѣка. Это очень положительное имѣніе: имѣніе голода, холода, болѣзней, преступленій, униженія, идіотизма, всякой нечеловѣчности и противоестественности». Кто не помнитъ многочисленныхъ стра-

ницъ «Капитала», въ которыхъ это положеніе подтверждается подавляющими фактами дѣйствительности, взятыми изъ данныхъ оффиціальныхъ отчетовъ? Кто не знаетъ, что приводя эти данныя, Марксъ неизмѣнно обращаетъ вниманіе на то, какъ тяжелыя условія труда уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него полу-человѣка, какъ отражаются они не только на физическомъ, но также на умственномъ и нравственномъ состояніи рабочаго сословія.

Съ величайшей силой нравственнаго негодованія возстаетъ Марксъ противъ печальной дѣйствительности неимѣнія и вслѣдъ за авторомъ читатель проникается сознаніемъ, что категорія неимѣнія должна замѣниться противоположной категоріей, что неимущій долженъ стать имущимъ, не въ смыслѣ корыстнаго стяжанія, а ради достойнаго человѣческаго существованія—вотъ та жизненная правда, которую раскрылъ марксизмъ и которую ему суждено было широко распространить въ современномъ сознаніи. Не только у Маркса современный міръ почерпаетъ это сознаніе, тысячи источниковъ говорятъ объ этомъ, и тѣмъ не менѣе за марксизмомъ мы должны признать значеніе той идейной грани, послѣ которой уже невозможенъ возвратъ сознанія къ прошлому, послѣ которой и современное правовое государство должно радикально измѣнить свой взглядъ на задачи политики, на сущность права, на принципы равенства и свободы. Осуществленіе той задачи, которая вытекаетъ изъ этихъ представленій, Марксъ рисовалъ въ видѣ утопіи. Онъ считалъ, что онъ напелъ тотъ разрѣшительный лозунгъ, съ помощью котораго въ близкомъ будущемъ можно вывести общество изъ его не-

совершеннаго существованія въ состояніе земного рая и блаженнаго совершенства. Въ этомъ онъ ошибался, но исходное начало его было правильное, и когда мы съ этой точки зрѣнія опредѣляемъ связь нашу съ соціализмомъ, мы должны сказать, что партія Народной Свободы, какъ и вообще современный демократическій либерализмъ, сходится съ соціализмомъ. Въ чемъ выражается это сходство, эта близость, очень хорошо объясняетъ англійскій писатель Самуэль. «Либералъ раздѣляетъ съ соціалистомъ чувство глубокаго негодованія противъ золъ существующаго экономическаго строя. Онъ охотно соглашается съ нимъ, въ томъ, что государство должно принять энергичныя мѣры для уврачеванія этихъ золъ. Онъ согласенъ, что государственное хозяйство часто является могущественнымъ средствомъ для этого, но онъ съ недовѣріемъ относится къ націонализаціи всей частной промышленности». И вотъ здѣсь то приходится вспомнить то, что мы говорили раньше. Соціалисты нерѣдко забываютъ о томъ, что говоритъ намъ наука нашихъ дней.

И въ этомъ случаѣ Самуэль совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что либералы отличаются отъ соціалистовъ главнымъ образомъ своимъ эмпирическимъ, осторожнымъ методомъ умозаключенія. Въ то время, какъ соціалисты считаютъ возможнымъ сразу осуществить самыя сложныя реформы, либералы идутъ путемъ научнаго изученія фактовъ, путемъ научнаго изслѣдованія того, что можетъ быть осуществлено. Съ другой стороны, соціалисты забываютъ, что процессъ соціальнаго преобразованія требуетъ не только внѣшней реформы, но и воспитанія общества. Возражая

однажды Жоресу, Клемансо очень удачно формулировалъ это важное возраженіе противъ соціализма: «Ваши концепціи грѣшатъ фатально въ одномъ пунктѣ: человѣкъ, который понадобится вамъ для реализаціи вашей идеи, еще не существуетъ, даже если бы ваши теоріи осуществлялись. А когда этотъ новый человѣкъ появится, если ему вообще суждено существовать, онъ воспользуется собственнымъ разумомъ и устроится по своему благоусмотрѣнію, не сообразуясь съ путемъ, который вы ему предначертали. Вы беретесь прямо за созиданіе будущаго, мы же создаемъ человѣка, который создастъ будущее. Наше чудо величественнѣе вашего. Мы не фабрикуемъ человѣка спеціально для нашего общественнаго строя, мы беремъ его, какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ первобытной пещеры, съ его жестокостью, съ эгоизмомъ и альтруизмомъ. Мы беремъ его со всѣми его слабостями, противорѣчіями, ощупью бредущаго къ неизвѣстному лучшему будущему, и мы просвѣщаемъ его, выращиваемъ, искореняемъ въ немъ зло, укрѣпляемъ его въ добрѣ, мы его освобождаемъ и ведемъ по пути высшей справедливости».

«Безъ воспитанія демократіи соціальное освобожденіе ея останется пустымъ звукомъ. Она могла бы на одинъ день добиться власти и скоро увидѣла бы себя низвергнутой въ бездну; всѣ наши реформы были бы недолговѣчны, если бы намъ не удалось усовершенствовать, улучшить человѣка, внѣдрить въ него демократическія чувства». Эти мысли есть результатъ долгаго научнаго и политическаго опыта нашихъ дней. Жоресъ обмолвился какъ то слѣдующей характерной фразой: «Не средства производства недостаютъ про-

летаріату, а пролетаріатъ недостаетъ средствамъ производства». И здѣсь высказывается та же идея о необходимости подготовленія человѣка къ лучшему будущему. И, когда мы взвѣшиваемъ всѣ эти идеи, когда мы ставимъ ихъ въ связь съ вѣчнымъ идеаломъ политики, который состоитъ въ полномъ расцвѣтѣ личности, въ созданіи для нея достойныхъ условій общественнаго существованія, мы съ полной опредѣленностью можемъ отвѣтить тѣмъ, кто говоритъ, что у партіи Народной Свободы нѣтъ идеала. У нея есть идеалъ, но идеалъ, вытекающій изъ научныхъ и философскихъ убѣжденій времени—идеалъ не носящій въ себѣ ни капли утопизма и имѣющій преимущество не тѣшить людей иллюзіями скораго достиженія цѣли, а указывающій на всѣ неизбѣжныя затрудненія, на всѣ необходимые подвиги истиннаго общественнаго процесса.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. Р.К.П. (б.)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ.
Книж. складъ "НАРОДНОЕ ПРАВО"
Москва, Моховая, 14. Телеф. 1-28-59.

9